

ПРОТИВОСТОЯНИЕ И ПОДЧИНЕНИЕ: КОРОНА И ПАРИЖСКИЙ ПАРЛАМЕНТ В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ АБСОЛЮТИЗМА (ПО ЭДИКТАМ И ОРДОНАНСАМ ФРАНЦИСКА I)

В начале XVI в. главными политическими оппонентами французской монархии, препятствовавшими усилению абсолютной власти и авторитета короля, оставались Парижский парламент и Генеральные штаты. Говоря о втором оппоненте, следует отметить, что Генеральные штаты к исследуемому периоду существенно потеряли свое политическое значение, о чем свидетельствует тот факт, что еще в середине XV в., корона лишила указанный институт права вотировать налоги, а также прав законодательной инициативы и утверждения законов [3, С. 172]. Таким образом, Франциск I Валуа (1515—1547) за весь период своего правления не считал нужным созывать Генеральные штаты, последнее заседание которых состоялось в 1484 г.

Совсем по иному сложились взаимоотношения с Парижским парламентом, важным судебным органом власти. По мнению В.Н.Малова, становление французского абсолютизма началось еще на той стадии формирования административной системы страны, когда управленческая функция не мыслилась отдельно от судебной. Для средневекового монарха процесс управления был неразрывно связан с правом вершить суд. Этот период развития французского абсолютизма (примерно до середины XVI в., приходящийся на правление Франциска I) историк обозначил как судебная монархия [1, С. 95]. В связи с этим, усилившейся королевской власти на пути к абсолютизму пришлось вступить в конфронтацию с Парижским парламентом.

В борьбе за власть Франциск I использовал традиционные способы влияния на политическую обстановку в стране, но при этом вдохнул в них новый смысл, придал им большей важности, например, личное присутствие на заседании Парламента, так называемом «ложе правосудия» (*«lit de justice»*), или торжественное декларирование своей воли в законодательных актах, влияние которых все больше усиливалось.

На первый взгляд, формальные и чисто декларативные формулировки королевских актов все же несут в себе отпечаток намеренной демонстрации французскими монархами, в том числе Франциском I, их власти. Особое внимание в ордонансах и эдиктах Франциска I, «Божьей милостью короля Франции» (*«par la grace de Dieu roy de France»*), вызывает фраза «ибо такова наша воля» (*«car tel est nostre plaisir»*). Буквально эту фразу можно перевести как «потому что так нам нравится». Изначально данная формула была неточно переведена с латыни, ведь слово *«placuit»* в латинском варианте означает ни прихоть, а решение [2, С. 59].

Хотя формулировка «ибо такова наша воля» присутствует еще в королевских указах Карла VIII (1483—1498) и Людовика XII (1498—1515), но более широкое распространение она получила именно со времен Франциска I и использовалась до конца XVIII века. Эта фраза присутствовала не у всех законодательных актов, а только в самых важных торжественных документах: эдиктах, ордонансах и декларациях [6, С. 560]. Для понимания значения фразы «ибо такова наша воля» и цели ее использования Франциском I, мы проанализировали не только его акты, но и его предшественника, Людовика XII.

Как свидетельствуют источники, в делопроизводстве королевской канцелярии Людовика XII наиболее часто употреблялась фраза «ибо такова наша воля», но существовали и другие вариации. Гораздо реже (до 20-ти со всего массива документов) встречается фраза «ибо как мы желаем, так должно быть сделано». Также встречаются варианты — «ибо как мы желаем и хотим, так должно быть сделано» [7, С. 441, 447, 453]. Единичным примером является фраза «ибо такова наша добрая воля» (*«car tel est notre bon plaisir»*), вошедшая в широкое использование только с XVII века [7, С. 493].

Аналогичным образом заканчиваются и ордонансы Франциска I: «ибо такова наша воля» или «ибо как мы желаем, так должно быть сделано». Но в отличие от законодательных актов Людовика XII, в ордонансах и эдиктах Франциска эти формулировки употреблялись намного чаще, да и самых документов было создано значительно больше. Несомненно, эта фраза, у всех ее существующих формулировках, несет идею — воля короля должна быть исполнена безоговорочно. В условиях постепенного усиления власти французской монархии эта фраза обрела иной смысл. В ордонансах Франциска раньше символическая и декларативная формулировка «ибо такова наша воля» становилась констатацией его абсолютной власти. Он заставил эту формулу работать, «укротив» и подчинив себе Парижский парламент.

«Укрощение» парламента, естественно, не обходилось без конфликта между монархом и Парламентом. Его истоки кроются в XV в., когда Парижский парламент сумел утвердиться как влиятельное и авторитетное учреждение. Самой важной прерогативой, позволявшей ему конкурировать с монаршей властью, было право регистрации королевских эдиктов, ордонансов или мирных договоров, сопровождавшемся правом «ремонстрации» — правом не регистрировать документ и возратить его для повторного пересмотра королем [4, С. 219]. Начиная со второй половины XV века именно эти полномочия и действия Парламента стали основным источником конфликтов.

Первые меры, направленные на ограничение полномочий Парижского парламента, предприняли еще Людовик XI (1461—1483) и Карл VIII. Биограф Людовика XI Ф. де Коммин в своих «Мемуарах» отметил, что король намеревался «укротить парламент», но он не стремился существенно урезать его полномочия, хотя многое в деятельности Парламента ему было «не по душе, за что он его и не любил» [5, С. 278]. В 1497 г. при Королевском совете и в противовес Парламенту, была создана новая судебная палата — Большой совет (*Grand conseil*), состоявший из нескольких членов Королевского совета, ученых экспертов-юристов и их секретарей. Франциск I, в свою очередь, не только продолжил дело предшественников, но и пошел на более решительные действия.

Причиной усложнений взаимодействия между королевской властью и Парламентом стала ситуация, сложившаяся в результате поражения Франциска I в битве при Павии (24 февраля 1525 г.). Франциск, попавший в плен к императору Карлу V, был вынужден ради своего освобождения подписать 14 января 1526 г. уничижительный Мадридский мир. Император, осознавая, что выйдя из плена, король может отказаться от договора, настаивал на том, чтобы он был утвержден Парижским парламентом до освобождения Франциска I из плена. Однако Парламент отказался зарегистрировать Мадридский мир, таким образом, подрывая авторитет короля на международной арене. Данный инцидент, скорее всего не спровоцировал конфликт между королем и Парламентом, а наоборот был следствием уже существующего противостояния и борьбы за власть. Кроме того, в связи с отсутствием в стране Франциска I, Парижский парламент начал ставить под сомнение власть регентши, матери короля, Луизы Савойской, а также Королевского совета.

Учитывая сложившиеся обстоятельства король, по возвращению во Францию, первым делом начал решительную борьбу по пресечению роста политических претензий Парламента. Важным шагом в этом направлении стала участвовавшая практика эвокаций — переноса судебных дел из Парламента на рассмотрение Королевского совета. В свою очередь, Парижский парламент в виде протеста нередко отказывался регистрировать те или иные королевские указы.

Следствием противостояния можно считать изданный Королевским советом документ от 24 июля 1527 г. под красноречивым названием: «Эдикт, обнародованный Малым советом, присутствующим президентам Парижского парламента, запрещающий этому суду заниматься другими делами кроме правосудия» [8, С. 81—83]. Для понимания важности этого документа стоит более детально проанализировать его содержание.

Итак, как сказано в эдикте, он был разработан и обнародован Малым советом по воле и в присутствии короля. В начале эдикта безапелляционно заявляется: «Король вам запрещает вмешиваться, каким бы то ни было образом, в государственные дела и во все другие, кроме судебных ...» [8, С. 81]. Далее в том же ключе поднимается несколько важных вопросов, разрешение которых свидетельствуют о существенном ограничении полномочий Парламента. Речь идет, прежде всего, об отклонении монархом претензий Парижского парламента на рассмотрение споров, касающихся церковных бенефиций, и отнесение этих дел к компетенции Большого совета [8, С. 82].

Особенное внимание в эдикте уделялось усилению регентства Луизы Савойской. Эдикт «аннулировал и признал недействительными все ограничения, которые сделали гнилой власть и регентство госпожи, его матери» и подтвердил все акты изданные Луизой [8, С. 82]. Также Франциск I в эдикте провозгласил, что как сейчас, так и в будущем, в случае его отсутствия в королевстве, без всяких оговорок регентом является его мать, наделена такой же властью, как и сам король. Кроме того, Франциск отменил все акты Парижского парламента, подрывающие авторитет Луизы Савойской [8, С. 82].

Отдельно был поднят вопрос об королевских актах, поданных на регистрацию Парламента. Напомним, что по сложившейся ранее практике, Парижский парламент практиковал не только отклонение регистрации документов, но регистрацию их с самовольно внесенными изменениями, что, естественно, вызывало громадное неудовольствие короля. Посему, как и следовало ожидать, в рассматриваемом эдикте запретил Парламенту любые ограничения или внесения изменений в его ордонансы, эдикты, хартии. Что позволялось Парламенту, так это только возможность указать королю на определенные недостатки поданных актов [8, С. 82].

Последним члена Малого совета обсудили вопрос о полномочиях Парламента по отношению к канцлеру Франции. Заметим, что канцлер Франции, Антуан Дюпра (1515—1535), председательствовал в Малом совете и значится в списке присутствующих на этом заседании. Эдикт от 24 июля 1527 г. объявил, что Парламент не обладает никакой властью над канцлером Франции, которая принадлежит только королю и никому другому. И, таким образом, все акты принятые Парижским парламентом против него, король объявил недействительными, так как Парламент не обладает юрисдикцией в отношении канцлера. То есть, Парламенту было приказано отменить все зарегистрированные документы, подрывавшие авторитет Антуана Дюпра как канцлера Франции [8, С. 82].

Но, как кажется, наиболее любопытным есть то, что эдикт, существенно ограничивающий полномочия Парламента и, по сути, нивелирующий его, должен был (как гласит сам документ), пройти по желанию короля регистрацию не только в Малом и Большом советах, но и в Парламенте [8, С. 83]. Безусловно, это был конфликт, а посему для гарантии регистрации Франциск I лично посетил заседание Парижского парламента, созванное того же 24 июля 1527 г.

Принятые монархом меры предосторожности оказались не напрасными. Происходившие во время заседания Парижского парламента события показали полное политическое поражение Парламента. Первый президент Шарль Гюйяр (*Charles Guillart*) обратился к Франциску I с речью, которая засвидетельствовала неоспоримое верховенство королевской власти над Парижским парламентом. Гюйяр заявил, что Парламент ни в коем случае не подвергает сомнению и не обсуждает полномочия короля, осознавая, что последний стоит выше всех законов [4, С. 220]. Таким образом, можно с уверенностью говорить, что вынужденное признание Шарля Гюйяра убедительно свидетельствует, что эдикт от 24 июля 1527 г. открыто продемонстрировал нежелание Франциска I делить власть с кем-либо другим, и, с другой стороны, этот документ является, по сути, важным свидетельством интенсификации процесса становления французского абсолютизма, поскольку он не только отобразил на бумаге волю короля, но и имел реальные последствия.

Таким образом, с целью противостоять возраставшему влиянию Парламента Франциск I выработал свою тактику борьбы. Король, в отличие от своих предшественников, не пытался создать в противовес Парламенту новый влиятельный орган власти, подконтрольный ему. Наоборот, действия короля были направлены на максимальную концентрацию власти лично в его руках. Эдиктом от 24 июля 1527 г. он, во-первых, усилил авторитет верных ему матери-регентши и канцлера Франции, возглавлявшего Королевский совет, подчеркнув, что они подчинены только ему и никому другому. Во-вторых, Франциск засвидетельствовал силу своих законодательных актов, которые отныне стали более защищенными от вмешательства Парламента в процессе регистрации. Кроме того, самим заседанием, так называемым «ложем правосудия», он продемонстрировал, что способен заставить Парламент зарегистрировать все удобные ему законы. То есть, фраза «ибо такова наша воля» в эдиктах и ордонамсах Франциска I наполнилась реальным смыслом.

Литература

1. Малов В.Н. Три этапа и два пути развития французского абсолютизма // Французский ежегодник. М., 2005. С. 90—133.
2. Метивье Ю. Франция в XVI—XVIII вв. От Франциска I до Людовика XV. М., 2005.
3. Хачатурян Н.А. Сословная монархия во Франции XIII—XV вв. М., 1989.
4. Bourquin L. La France au XVI siècle 1483—1594. Paris, 1996.
5. Commynes F. Memoires. Paris, 1925. Tome II (1474—1483).
6. Mas-Latrie, de L. De la formule «Car tel est nostre plaisir» dans la chancellerie française // Bibliothèque de l'école des chartes. 1881. Vol. 42. P. 560—564.
7. Ordonnances des rois de France de la troisième rase, recueillies par ordre chronologique. Paris, 1849. Vol. XXI.
8. Ordonnances des rois de France. Règne de François Ier. Paris, 1936. T. V. Première partie (1527—1528).

Д.А.Волошин

г.Армавир

Армавирская государственная педагогическая академия

О НЕКОТОРЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗДЕРЖКАХ ИМПЕРСКОГО БЫТИЯ (ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ПОЗДНЕГО РИМА)

Редкое исследование по истории Римской империи обходится без обширного социального экскурса, в котором обязательно отмечается невероятная апатия ее населения, безразличие «*populus romanus*» к политике. Действительно, тезис о росте социальной апатии и того, что называется «утратой исторической перспективы» достаточно гармонично вписывается практически в любую концепцию падения Римской империи. Однако установление истинного места данного социального недуга в общей цепи факторов, приведших государство римлян к гибели, представляется не такой уж простой исследовательской задачей. В рамках данной статьи предполагается обращение лишь к наиболее актуальным (и показательным для современности) аспектам исторического опыта римской социальной организации в интересующем нас ракурсе.

Сальвиан в середине V века н. э. в своем «*De gubernatione Dei*» так описывает социальную ситуацию в Империи: «Бедные обездолены, вдовы стонут, сироты в презрении, и настолько, что многие из них, даже хорошего происхождения и прекрасно образованные бегут к врагам. Чтобы не погибнуть под тяжестью государственного бремени, они идут искать у варваров римской человечности, поскольку не могут больше сносить варварской бесчеловечности римлян... Римского гражданства, некогда не только очень уважаемого, но и приобретавшегося за очень высокую цену, ныне избегают и боятся, ибо оно не только не ценится, но и вызывает страх...» [7, С. 104].

Оставляющие минимальный простор для интерпретаций сведения Сальвиана рисуют неутешительную картину социального декаданса. Однако давно прошло то время, когда можно было лишь удивляться апатии, охватившей римское население сверху донизу, или возложить всю вину на христианство,

принесшее с собой апатию и пораженческие настроения. На современном этапе социальная атомизация, настроения отчуждения и оторванности — более чем явственные угрозы социальной стабильности любого государства.

Исторический закон гласит: любая империя рушится, когда «заканчиваются» люди. В докладе Берлинского института народонаселения Россия именуется «исчезающей мировой державой» [5, С. 6]. И здесь мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией: главным фактором депопуляции являются не экономические трудности, а чувство закрытой перспективы, порождающее историческую безнадежность [2, С. 58—65].

Отсутствие ясных целей, сознание низменности и неизбежности всего существующего — эти симптомы наблюдались и в далеком прошлом. Безусловно, *Imperium Romanum* не может быть отнесена к тому типу универсалистских образований, основным объектом экспансии которых служит собственный народ (на этом поприще у России, пожалуй, нет конкурентов). Однако в какой-то момент энергия экспансивного роста, территориального приращения римского государства (и, соответственно, — «рентабельность» войн) исчерпали себя. Но и такой, «схлопывающейся» Империи необходимы ресурсы едва ли меньшие... В итоге взор государства закономерно «интровертировался». Даже самые германонастроенные историки отмечают, что власти Позднего Рима более заботились об ограблении собственного народа, нежели о защите границ государства [8, С. 72].

Само же общество подошло к порогу критического дисбаланса между производящими и непроизводящими его стратами. К тому же в Поздней Римской империи существенной девальвации подверглись права, почести и звания; практика широкого их предоставления закономерно понизила «качество» — ценность этих прав и поставила под сомнение избранность их носителей.

Уже во времена принципата состояния римских элит достигли невероятных размеров; в последние десятилетия существования империи разрыв между бедными и богатыми еще более увеличивается. Имущественный контраст оказывается главенствующим при описании социальной структуры империи; значительная часть средств, принадлежавших верхушке общества, шла на предметы роскоши. Статус, определявшийся богатством, сливался с рангом в обществе [9, С. 6]. Однако не всегда служебное положение совпадало с социальным статусом. Во все времена существовали личности, которые не имели званий, но занимали в обществе далеко не последнее положение. Так, известные епископы в социальном плане уравнивались с сенаторами. С другой стороны, отдельные личности плебейского происхождения получали официальные звания [3, С. 184—185].

И еще один момент, подмеченный А.Х.М.Джонсом: положение, согласно которому распределение населения по наследственным кастам привело к инерции и недовольству не является таким уж бесспорным [3, С. 536]. Историк предлагает не связывать случаи, когда представители тех или иных классов предпринимали попытки уклониться от своих наследственных обязанностей с выражением их социального недовольства.

Римлянам было свойственно глубокое ощущение справедливости социальной иерархии, однако время и недостаточная адаптивность сводили его на нет. Эффект замуравывания социальных ячеек сделал абсолютно невозможным возвышение бедного человека, достигнутого честным трудом (без покровителей и т.д.). Для большинства законопослушных жизнь не имела перспектив, дети повторяли жизненный путь отцов, не надеясь на лучшее. Г.Уэллс пишет: «Жизнь для огромного большинства, кто ни богат, ни чиновник, ни женщины и прихлебатели богатых и чиновников должна быть тяжелой, скучной и лишенной интереса и свободы до степени, которую современный ум едва может вообразить» [10, С. 397].

Безусловно, у каждого слоя римского общества была «своя апатия»; в этом отношении апатия элит не имела ничего общего с апатией масс, порожденной невозможностью изменить свое положение в лучшую сторону. К слову, Р.Мертон в своей известной статье 30-х гг. «Социальная структура и аномия» очень хорошо вскрывает этот механизм жесткой классовой структуры: антисоциальное поведение приобретает значительные масштабы только тогда, когда система культурных ценностей превозносит, фактически превышает всего, определенные символы успеха, общие для населения в целом, в то время как социальная структура общества жестко ограничивает или полностью устраняет доступ к апробированным средствам овладения этими символами для большей части того же самого населения [6, С. 96].

Крупные римские города стали местами концентрации незанятого населения. В итоге «никто не считал себя в безопасности»; вернее, в безопасности был «только тот, кто имеет силу ставить другого в опасность» [7, С. 104] (очень узнаваемая применительно к России ситуация). Ювенал, так сказать, «в развитие темы», повествует: «Казалось, все железо, производимое в Риме, идет на производство цепей и кандалов. Плуги, серпы и мотыги скоро будут недоступны». Дело в том, что чем выше плотность населения, тем выше уровень преступности. Правило действует и поныне [4, С. 15].

Что касается очередности проявления социальной агрессии и апатии, то она описана известным социальным психологом В.Франклом под названием «синдром концлагеря». Люди, попадающие в невыносимые условия, первоначально реагируют ростом активности (самоубийств, убийств, смертности). Позже «наступает психическое истощение, апатия, теряется инициатива, иссякает энергия противодействия, снижаются агрессивность» [2, С. 4]. Определить, какой из двух механизмов действовал в Римской империи, и с какого